

Евгений Степанов

Татьяна Бек: на костре самосожженья

Фрагменты из книги

21 апреля 2019 года исполнилось бы 70 лет замечательному поэту Татьяне Бек. Она была постоянным автором «Дружбы народов» и несколько лет работала в нашей редакции.

Смерть — главный микрофон поэта. В русской поэзии иначе никогда не было. Мученической смертью ушли великие Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гумилёв, Осип Мандельштам, Николай Клюев, Сергей Есенин (я разделяю точку зрения, что его убили), Павел Васильев, Николай Рубцов... Примеры, к великому сожалению, можно множить. Теперь в этот трагический список вошла и Татьяна Бек.

Вспоминаются строки Андрея Вознесенского: «Раз поэтов не убивают, значит некого убивать...» Это — так, увы, получилось — сказано и про Татьяну Бек.

* * *

...Из окна моей «аэропортовской» квартиры виден дом Татьяны Александровны Бек. От моего дома до ее — 5 минут пешком.

Мы познакомились более 30 лет назад.

1986 год. Я зашел в редакцию журнала «Дружба народов» в гости к своему знакомому Алексею Парщикovu. Как выяснилось, Алексей Максимович уже уволился. В его комнате, в отделе поэзии, оказалась неизвестная мне женщина.

— А вы что, стихи пишете? — спросила обаятельная улыбчивая шатенка.

— Да, пишу, — сказал я.

— Покажите.

Я показал.

Степанов Евгений Викторович — поэт, прозаик, литературный критик, издатель. Родился в 1964 г. в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского пединститута и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1981 года. Печатался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Волга». Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А.Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева».

Мы публикуем фрагменты книги Евгения Степанова, которая в ближайшее время выходит в серии «Судьбы выдающихся людей» издательства «Вест-Консалтинг».

Она стала читать. И предложила стихи оставить.

Так я познакомился с Татьяной Александровной Бек.

А через неделю она написала обо мне хорошие слова на первой полосе в «Комсомольской правде». Мне было двадцать два года, после шестилетнего отсутствия я только что вернулся в Москву из милого районного городка Рассказово Тамбовской губернии.

Я начал часто заходить в «Дружбу народов», встречал там своих хороших знакомых — Семёна Израилевича Липкина и Инну Львовну Лиснянскую, других больших, талантливых поэтов, которых опекали Татьяна Александровна Бек и Наталья Борисовна Иванова (она была зав. отделом поэзии). Атмосфера у них в комнате была дружеская и гостеприимная.

Однажды они дали мне рекомендацию на совещание молодых писателей, но приемная комиссия МГО СП России мою кандидатуру отклонила. Ну отклонила и отклонила. Я особенно не переживал. Но Татьяна Александровна и Наталья Борисовна из своего «дружбинского» кабинета позвонили Олегу Максимовичу Попцову, он тогда, если не ошибаюсь, возглавлял Комиссию по работе с молодыми литераторами, очень эмоционально объяснили ему ситуацию... После этого началось какое-то безумное «броуновское» движение. Мне звонили разные сотрудники из аппарата МГО СП России, они больше не сомневались в моем даровании, восторженно хвалили меня, отмечали мои хорошие строки и даже стихотворения, предлагали поехать на всевозможные совещания и семинары...

Я понял, что значит поддержка талантливых людей, которые к тебе хорошо относятся.

Пожалуй, никогда больше я не встречал такой заботы в литературной среде.

В 1989 году, ровно тридцать лет назад, Татьяна Бек и Наталья Иванова напечатали два моих стихотворения в «Дружбе народов». Это было важнейшее событие в моей жизни. Интересно, что поздравил — письмом! — меня с этой публикацией лично главный редактор «Дружбы народов» Сергей Алексеевич Баруздин. Понятное дело, что поздравлял он всех дебютантов, но все равно было неожиданно и очень приятно.

...И вот сейчас 2019 год. И позади тридцать с лишним лет. И Сергея Алексеевича, и Татьяны Александровны нет в живых. «А мы всё вертим круговерть».

* * *

Каким человеком была Татьяна Бек? Она была поэтом. То есть человеком непростым — порывистым, увлекающимся, резким.

Когда вышла толстенная книга мемуаров о ней, в которой я прочитал воспоминания самых различных людей, то с удивлением обнаружил, что практически с каждым из авторов сборника она в разное время находилась в конфликте.

Она крайне не любила наше аэропортовское «гетто» (вообще писательскую среду), избегала ее, но беда заключалась в том, что другой среды у нее — от рождения! — не было.

Вспоминаю, с какой радостью она общалась с так называемыми простыми людьми. В конце девяностых я работал в пресс-центре Мосэнерго и приходил к ней в гости с моими товарищами-энергетиками. Она не могла с ними наговориться, хотя эти люди стихов не писали и не читали их в принципе. Радушно угощала нас шоколадными конфетами, «лимонными дольками», орехами. Кошка Бася бегала по книжным полкам.

Писателей (как людей) она хвалила редко. Что совершенно удивительно, любила некоторых авангардистов — Геннадия Айги, Юрия Милорава. Зная, что я часто общаюсь с Геннадием Николаевичем, просила меня, чтобы я договорился с ним об интервью для «Вопросов литературы», где она долгое время работала.

Неизменные авторитеты (как люди и как авторы) — Борис Слуцкий, Николай Глазков, Ксения Некрасова, Владимир Соколов, Анатолий Рыбаков, Владимир Войнович, Иосиф Бродский, Юрий Коваль, Владимир Корнилов... Корнилов был ее ближайшим другом и авторитетом.

Очень часто мы говорили о Евгении Рейне. Я все удивлялся, что она так тепло относится к этому литератору.

— Он ведь не поэт! — однажды, выпив для храбрости рюмашку коньяку, сказал я.

Она непритворно удивилась:

— А кто же он тогда? Городской сумасшедший?

— Насчет сумасшествия не знаю. Но конечно, то, что он делает, это плохая зарифмованная проза. Длинная и занудная.

— А Николай Алексеевич Некрасов?

— Тоже не поэт! — рубил я, войдя в раж, с плеча. — Он — прозаик, писавший в рифму. И Пушкин прозаик.

Она хохотала.

Потом я «напал» и на Владимира Корнилова. И тут она «взорвалась». И прямо (и заслуженно!) послала меня на конкретные три буквы.

Через час прислала письмо с извинениями.

Корнилов действительно был ее кумиром и во многом учителем. Этому поэту она посвятила замечательное стихотворение.

Время «Эмок», и «Зисов», и «Зилов».
Время трезвости — время вина.
А Володя, который Корнилов,
Был единым на все времена.

Он, избравший судьбу однолюба,
Не умел оставаться в ряду,
Ибо совесть, как мощная лупа,
Укрупняет чужую беду.

И когда ничего не светило
И никто никого не спасал, —
Он огню не утрачивал пыла,
А садился и письма писал.

Мы ловили «знамения века».
А Корнилов
под сенью знамен,
Был однажды в уборщики снега
Из писателей переведен.

Времена то ушли, то настали.
Но зато навсегда — человек.
Скажем, этот —
единственный в стане
И опять убирающий снег.

...То я дурочкой, то богомолкой.
А Корнилов идет по шоссе
В этой кожанке, с этой кошёлкой,
Абсолютно инакий, чем все.

Снова хочется жить, колобродя,
На тоску и на робость начав, —
Потому что Корнилов Володя
Повстречался мне в рыжих очках.

Ее ближайший круг — Виктория Шохина, Евгений Рейн, Максим Амелин, Сергей Арутюнов, Александр Шаталов, Евгений Лесин, Инга Кузнецова, Игорь Шайтанов, Лазарь Лазарев, Алексей Алёхин, Олег Клинг... Об этих людях я слышал в каждой беседе столько и хорошего, и не очень, что воспроизводить не берусь. Но понимал одно: раз она о них так много говорит, то они и есть ее семья, ее самые близкие люди. А в семье всегда любовь соседствует с руганью. Чужие люди нам просто безразличны.

Недавно встретились с Серёжей Арутюновым. Разговорились. Я спросил:

— А меня она, наверное, тоже любила «приложить»?..

Серёжа сказал:

— Нет, тебя просто называла, любя, сумасшедшим...

Любые мемуары — это, конечно, рассказ о себе. Избежать этого, к сожалению, не получается. Но мне бы хотелось рассказать именно о Татьяне Бек, о ее человеческих и поэтических принципах.

* * *

Татьяна Бек в том направлении, в котором она работала, по праву считалась настоящим мастером. Она была в поэзии (и в жизни) предельно искренна, ее стихи исповедальны и завораживающи. Она любила полнорифмные рифмы. Например, рифма *плетью* — *долголетья* была для нее неприемлема, только *плетью* — *долголетью*. Окончания должны были совпадать. *Топором* — *пером*, *окаянны* — *стаканы*, *препаршиво* — *пошива* и т.д.

Любые отклонения отвергала как автор и не пропускала как редактор:

— Хорошая рифма — основа стихотворения.

Вообще, разговор о рифмах Татьяны Бек — не праздный. И требует отдельного исследования.

Палитра версификационных «инструментов» Татьяны Бек максимально широка: тут и ассонансы, и паронимия, и составные рифмы, и даже (редко) глагольные рифмы, и — что почти невероятно, но на самом деле логично! — банальные рифмы-клише (например, *небо* — *хлеба*), которые были в поэтике Бек совсем небанальны.

Поэзия — не верификационный бодибилдинг. Само по себе мастерство не значит ровным счетом ничего. И рифма никогда не была самоцелью для Татьяны Бек, именно поэтому такая разнообразная у нее рифменная практика. Без мастерства тоже плохо. Идеальный вариант — когда художнику есть что сказать и он знает, как это сделать. Говоря предельно просто и тривиально, когда форма и содержание едины. Именно таким художником и была Татьяна Бек. Версификационное мастерство служило главной задаче — показать тончайшие нюансы характера лирической героини, которая, впрочем, была практически неотделима от автора.

В лучших своих стихах Татьяна Бек сумела в максимально суггестивной форме показать живого человека, выразить до мельчайших психологических нюансов трагический надлом души лирической героини и ее бесконечную любовь к жизни и людям. Душа и мастерство поэта слились в творчестве Татьяны Бек воедино, и появились шедевры, которые, не сомневаюсь, останутся в русской литературе.

К таким шедеврам я отношу, например, два таких стихотворения.

* * *

«За семью морями и за семью холмами...»

Это как в сказке. А на деле — очень далеко —

Ты, которого я посылая к такой-то маме, —

Как тебе там? Тут — одиноко.

Я твои письма читаю, врубивши радио,
 Напялив узбекский халат и не чуя дыма,
 Идущего с кухни, где подгорело варево:
 Груши из братского Крыма

С добавкою цедры, сахара и ванили...
 Что ж, выключу газ на плите, радио и рефлексию.
 Просто: жили-были, сплелись ветвями, а ствол срубили.
 Предлагаешь иную версию?

Дай мне срок: соберусь мозгами и силами —
 Соберу пожитки, и вброд — через известный поток.
 За семью морями, холмами, могилами
 Ты меня жди. Я уже скоро, браток.

* * *

Привыкай — разворачивай — режь —
 Отрывайся — таи — не тревожь.
 Я устала от ваших депеш.
 Я устрою дебош.

Не хватало, чтоб дух лебезил!
 И — как спьяну, дрожа —
 Я булыжник швырну в лимузин,
 Проезжающий мимо бомжа.

Обожаю сей град,
 При чужих ненаглядный стократ.
 В память детскую, как в конуру,
 Как дворняга, забьюсь — и умру.

В этих стихах боль и незащитность, надрыв и трагедия, усталость и мольба о помощи. Весь недюжинный диапазон версификационных средств (лексика, ритмика, метрика, разнообразные и выразительные рифмы) служит автору необходимым материалом для выражения главного — страдающей и высокой души человеческой.

* * *

Татьяна Бек была увлекающимся человеком. И зачастую, на мой взгляд, переоценивала своих друзей (в первую очередь отношу это к себе). Она проявляла симпатию к человеку — и эта любовь переходила на его творчество. Она начинала этого человека всячески пропагандировать — публиковать, писать о нем рецензии, рассказывать по радио. И любовь не знала границ.

Однажды мы пили с ней чай у нее дома, и я сказал ей об этом.

Она посмотрела на меня мудрым ироничным взглядом...

Иногда она мне рассказывала о своей личной жизни. Фигурировали очень известные литературные имена. Писать об этом не имею права.

Мы неоднократно говорили с ней о природе творчества. Об импульсах к написанию стихов.

— Меня «заводят» хорошие книги, стихи, строки, рифмы, — делилась Татьяна Александровна, — читаю Тарковского, Межирова, Блаженного — и мне хочется писать самой.

Она была уникально образована. Другого такого знатока поэзии я не знал. Когда нужно было что-то уточнить (дату рождения поэта, кто автор той или иной строки и т.д.) — я звонил ей. И она выдавала информацию точнее и полнее, чем энциклопедический словарь.

Работоспособность — феноменальная. Она сделала комментарии к книгам своего отца, писателя Александра Бека, составила Антологию акмеизма, издавала книги Соколова, Глазкова, Некрасовой, работала журналисткой, писала рецензии, делала интервью...

* * *

Мы любили рассказывать друг другу смешные истории, читать по телефону забавные стихи и палиндромы.

Однажды она позвонила ночью и сказала:

— Записывай замечательный палиндром. Давала попу — попала в ад. Это сын Рейна написал.

В 1987 году мы вместе ездили в Тарусу. Это была группа научных сотрудников музея Николая Островского, где я тогда работал. Я пригласил Татьяну Александровну и ее друга — грузинского поэта-переводчика Х. В Тарусе произошел смешной эпизод.

Устроили пикник на берегу Оки.

Х. сказал:

— Таня, угощайся, сегодня ты женщина.

Мы потом часто, смеясь, вспоминали эту фразу.

Мы разговаривали, конечно, не только о литературе. Обо всем. Взахлеб. Она говорила: «Мы трахаемся с тобой головами».

Общаясь по телефону, мы иногда позволяли употреблять в речи obscene лексикку. В этом, по-моему, были какая-то извращенная интимность и особое доверие...

Когда речь заходила о взаимоотношениях полов, мы наперебой давали советы друг другу, как лучше устроить личную жизнь. Правда, ничего у нас на практике не получалось.

Она так видела брак поэта.

— Жить нужно либо с равновеликим человеком, либо с человеком, который на порядок в плане развития тебя ниже, совсем с простым. Когда к человеку не предъявляешь больших претензий — легче. Живешь и живешь.

Разговоры длились часами, в основном вечерами. Инициатором, как правило, была она. Переписка шла рывками, фрагментарно. Были перерывы в несколько лет.

Когда в 2003 году вышла ее книга «До свидания, алфавит», я прочитал ее с огромным интересом, за один вечер. Это собрание эссе, литературных портретов, баек-миниатюр, мемуаров, интервью, стихов... Многожанровая книга. И в каждом жанре Татьяна Бек предстала сложившимся профессионалом, имеющим свою индивидуальность.

В эссе «Люди — кактусы — верблюды (Думая об Арсении Тарковском)» Татьяна Александровна вывела точную формулировку — «пассионарная неуместность». Как ни горько это признать, но во многом эта формулировка (а ее смысл мне видится в том числе в недостаточно сильном резонансе на произведения автора) оказалась характерна и для творческой судьбы Бек. Ее великолепные миниатюры не стали так популярны, как байки Сергея Довлатова, ее глубокие интервью не столь тиражированны, как, скажем, беседы Феликса Медведева. Впрочем, для художника это абсолютно не главное. Главное — дело сделано. И сделано очень квалифицированно.

Я сказал ей об этом. Она улыбнулась. И — ее как будто прорвало:

— Ты знаешь, я очень рада, что эта книга хорошо продается, причем в самых крупных магазинах. Я на нее возлагаю большие надежды и очень благодарна издателю Гантману. Он буквально был послан мне свыше. Он пришел ко мне на помощь, когда я опубликовала полосу своих заметок в «Экслибрисе». Позвонил и спросил: «Вы ждете издателя? Это я».

О «пассионарной неуместности» мы с ней говорили многократно. Она считала:

— Нам с тобой чего-то недосыпали, недодали... Поэтому мы неабсолютны. Мы не можем с тобой прибиться ни к одному национально-идеологическому берегу в силу запутанного происхождения.

Кстати, национальный вопрос ее всегда волновал.

Ей, в самом деле, было непросто. Поскольку по отцу она была обрусевшей датчанкой, а по маме наполовину русской, наполовину еврейкой... Были у нее по линии мамы и польские, и белорусские корни.

Она была самоиронична. Любила посмеяться над собой, нарисовать шаржированный автопортрет (один из них у меня сохранился).

Прочитую симпатичнейший фрагмент из книги «До свидания, Алфавит», где фигурирует Фаина Раневская.

«Фаина Георгиевна Раневская, которая очень подружилась с моими родителями летом 1964 года на финском взморье, в Комарове, называла меня приязненно “мадмуазель Модильяни” — за мою худобу и вытянутость на грани шаржа. Позднее, уже в Москве, она мне даже, когда мы ходили к ней в гости, подарила итальянский альбом художника с соответствующей надписью...

Теперь я уже ближе к мадам Рубенс...»

В той же книге «До свидания, Алфавит», в эссе «Про Ленечку Шевченко» автор приводила слова этого молодого, к несчастью рано ушедшего от нас поэта, о том, что ее стихи «отравлены смыслом». Интересна и — единственно правильна! — была реакция поэтессы: «Ученик оборотился в нелестивого и, наверное, справедливого учителя».

Про Леонида Шевченко она неоднократно вспоминала, очень его ценила и скорбела об утрате.

Разговор о смысле (прозе) в поэзии был у нас постоянный. Моя позиция заключалась (я и сейчас так думаю) в том, что поэзия — это то, что нельзя пересказать прозой. Но определений у поэзии много. И все они имеют право на существование. Важно — каких результатов автор добивается в избранной стилистике.

— Так, значит, и я не поэт? — однажды в сердцах воскликнула она.

— Конечно, поэт! — искренне отвечал я. — Вы — последовательница традиций Бориса Слуцкого (самого крупного русского поэта XX века, по словам Дмитрия Сухарева). В своей стилистике Вы — настоящий мастер, «прогоняющий через прозу каждый стих». И в этом смысле у Вас много общего с гениальным Буниным. В Вашей прозе и журналистике — подлинная поэзия. Вот как Вы пишете в эссе о своей кошке. Она «была похожа на охапку вербы с желтыми глазками». Разве это не верлибр?!

Она успокаивалась.

Гордилась знакомством с Бродским, тесным общением с Чухонцевым, Мориц, Вознесенским... Чухонцев в свое время напечатал ее, шестнадцатилетнюю девочку, в «Юности».

Кстати, уже после смерти Татьяны Александровны я разговаривал о ней с Андреем Андреевичем Вознесенским. Он сказал:

— Таня была святая...

Однажды, в середине девяностых, она пришла ко мне домой. И я впервые в жизни попросил ее написать автограф. Она села за стол и тут же написала:

О, мой друг Степанов Женя,
На костре самосожженья
Наши души пусть горят
Много лет еще подряд!

¹ Татьяна Бек. Личный архив Евгения Степанова.

В 1999 году я затеял журнал «Футурум АРТ». Татьяна Александровна предложила свою помощь, начала знакомить с разными молодыми поэтами. И в первом номере с ее предисловием появились стихи малоизвестных тогда Сергея Арутюнова, Инги Кузнецовой, Олега Кочеткова. Их она опекала всю жизнь.

К журналу относилась с постоянным вниманием. Особенно ее тронул рассказ Натальи Кузьминой «Мягкая игрушка», про девочку, которую затравили одноклассницы. Этот трагический рассказ, который вышел в № 5 «Футурума» за 2004 год, оказался, к несчастью, во многом и про Татьяну Александровну...

* * *

Когда я начинал создавать журнал, она говорила:

— Сделай хотя бы три номера. Это уже будет большой результат.

Ее важнейшая черта — безукоризненная моральная чистота, порядочность и шепетильность.

Помню, предложил ей напечататься в моем журнале «Дети Ра». Она согласилась, но предупредила:

— Я дам подборку, но эти стихи скоро выйдут в моей новой книге. Ты согласен на такие условия?

Я, конечно, согласился. Честно говоря, никто из поэтов за долгие годы моей редакторско-издательской деятельности о подобных вещах никогда не предупреждал.

Она жила небогато. Иногда денег не было совсем. Но никогда не просила.

Жадных не любила.

Помню полчаса возмущалась, рассказывая, как в кафе ее спутник-мужчина не заплатил за нее.

— Я, конечно, сама заплатила за свой кофе. Это копейки! Но ведь он мужчина! Раз пригласил даму в кафе — обязан заплатить!

Общаться с ней было великой роскошью. Я всегда ждал ее звонка, сам старался лишний раз не беспокоить. Она говорила долго и охотно тогда, когда у нее возникала в этом потребность.

* * *

К сожалению, в последние годы нервы у нее были на пределе. Конфликтные ситуации с близкими людьми постоянно повторялись. Она жаловалась — я успокаивал.

В последние 7—8 лет это был обычный для нас разговор.

Однажды мы решили с ней написать совместную книгу. Книгу-интервью: зафиксировать все наши многочасовые беседы.

Я начал записывать эти разговоры. Получилась для начала беседа на литературные темы. Я прислал ее Татьяне Александровне. Она стала туда дописывать отдельные фрагменты.

Наша беседа вышла в итоге в газете «Экслибрис НГ» (№ 31 от 19 августа 2004 года) под рубрикой «Андеграунд и номенклатура».

Когда интервью было опубликовано, она очень переживала. Не хотела никого обидеть.

Звонила мне и спрашивала:

— Интересно, а что скажет Вознесенский, а что скажет Василевский?..

Через день позвонила, счастливая:

— Виделась с Вознесенским. Почему-то перешли с ним на «ты». Он сказал, что мы с тобой все правильно написали. Василевский тоже вроде не обиделся.

За три дня до своей смерти она позвонила мне домой и сказала:

— Как, ты не знаешь, что произошло?!

И начала рассказывать о письме ряда писателей в адрес Туркменбаши с предложением перевести на русский язык его стихи... О диких, грубых выкриках поэта

Х. в ее адрес и в адрес Н.Б.Ивановой, о постоянных звонках домой с оскорблениями и даже угрозами...

Она на секунду замолчала. И горько сказала:

— Ты знаешь, мне кажется, теперь я не смогу преподавать в Литературном институте. Морально не смогу.

В финале беседы она спросила:

— Скажи мне, я выживу?

В последнее время она всегда спрашивала меня: «Я выживу или нет? Что будет со мной?» Теперь я понимаю, что до конца не отдавал себе отчета в серьезности постановки вопроса.

В тот день (накануне ее трагической смерти) я, как мог, ее успокаивал. Внужал ей, что нельзя реагировать на озлобленных и полусумасшедших людей!

Договорились, что она будет брать трубку только через автоответчик.

На следующий день я уехал по делам в Чебоксары. Уехал все-таки спокойный. Мне показалось, что она вошла в норму. Она обещала мне, что будет брать телефонную трубку только через автоответчик и оградит себя от ненужных контактов.

В поезде у меня прихватило сердце. Такого не случалось давно. Подошел к проводнику за лекарствами — у него их не нашлось.

В это время, оказывается, она умирала. Но я этого не знал.

Иногда мне кажется: то, что я сейчас пишу, бессмысленно — она (самый лучший в мире читатель) не прочтет. Какое-то оцепенение.

Как истинный поэт она предвидела свою судьбу, свою скорую кончину. Она все сказала, что хотела сказать.

Невозможно без содрогания читать такое стихотворение:

Я с руки накормлю котёнка,
И цветы полью из ведра,
И услышу удары гонга...
— До свидания. Мне пора.

И уже по дороге к Лете
Ветер северный обниму
(Слепоглухонемые дети
Так — играючи — любят тьму).

Разучилась писать по-русски
И солёным словом блистать:
Рыбы, водоросли, моллюски —
Собеседники мне под стать.

— Сколь нарядны твои отрепья,
Как светло фонари зажглись,
Как привольно текут деревья,
Наводняя собою высь!

Нахлобучу верблюжий капор,
Опрокину хмельной стакан.
— До свидания, Божий табор.
Я была из твоих цыган.

Звуков мало, и знаков мало.
Стихотворная строчка спит.
Я истаяла. Я устала.
— До свидания, алфавит.

1995

Она, конечно, очень сильно, смертельно устала, поскольку была поэтом, то есть человеком без кожи. И Господь взял ее к себе. Она сейчас в надежных руках.

У меня сохранилась мистическая записка от Татьяны Александровны:

«Женя!

Жди — я сейчас!

Т.Б. 28.3.90»

Сейчас 2019 год. Я жду. Я до сих пор не верю, что она не вернется.